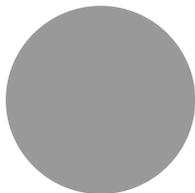

Теория и исследования

Политическая психология

Виктор Петренко

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО*

Человек конкурирует в ментальном семиотическом пространстве

Человек – существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе; на мой город, мою страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, он конкурирует в ментальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий, то есть там, где *ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира* (того или иного индивидуального или коллективного субъекта).

Человек существо трансцендентальное

Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни.

Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному,

* Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-06-02007.

непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире.

Необходимые
компоненты
в политическом
прогнозе

В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, культуры, медицины), но и (тесно связанная с последней) оценка состояния общества в духовной сфере, его пассионарность (в терминах Л.Н. Гумилева), степень доверия в обществе, степень милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал» и «ментальный ландшафт», «общественные установки» и «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества» – необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет области, известной под названием «Психосемантика сознания», «Психосемантика ментальности».

Для функционирования политических институтов нужны соответствующие носители

Для того чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией двадцатого века – спецслужбами НКВД, КГБ. Спе-

цифика сложной семиотической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Социальным представлениям сопутствуют эмоциональные состояния

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например: чувство религиозного воодушевления во времена крестовых походов; эсхатологические ожидания близкого конца Света в Византии накануне первого тысячелетия; доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в Средневековье или в современном тоталитарном обществе.

Национальную психологию определяют множественные аспекты бытия

Современные Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Множество аспектов бытия определяют национальную психологию и картину мира населения тех или иных государств, тех или иных регионов. Это географические (север / юг, климат, ландшафт, наличие водных артерий, плодородие почв, наличие природных ископаемых и т.п.), геополитические аспекты (расположение государства, наличие естественных преград для вражеского вторжения, транспортные коммуникации и т.п.), а главное, история, культура и религия этого государственного образования.

«Страна с непредсказуемым прошлым»

Россия же, по меткому выражению, – «страна с непредсказуемым прошлым», где за одно прошлое столетие трижды кардинально менялись идеология, экономическая и социальная политика. В результате разные социальные, возрастные, этнические, религиозные и региональные слои населения представляют собой «вавилонское смешение народов», вобрав в себя противоречивые ценностные установки различных исторических эпох России (от монархического православия и тоталитарного мировосприятия «гомо советикуса» до авторитаризма «управляемой демократии» и либерторианских идей в экономике).

Хаос или феномен «кентаврического сознания» присутствует в голове среднестатистического россиянина. По нашим исследованиям «Образ экономической и политической реформы в сознании россиян» [1], только

четверть населения имела более или менее непротиворечивые политические установки, совпадающие с идеологией имевшихся на то время политических партий. Большая часть населения демонстрировала синкретическое мышление, в котором желание рыночной экономики и выборности власти соседствовало с ностальгической тоской по «сильной руке» и требованием государственного регулирования цен.

В сложившихся условиях проблема терпимости ко всем институтам становится особенно актуальной

В условиях колоссальной неоднородности общества и его крайней дифференциации не только по экономическому статусу, но и по мировоззрению и политическим, ценностным установкам (что, с одной стороны, чревато возможностью социального взрыва, но с другой обеспечивает, исходя из «принципа необходимого разнообразия» Эшби, возможность динамических трансформаций), чрезвычайно важными становятся проблемы терпимости (толерантности), достижения консенсуса и доверия друг к другу отдельных социальных, национальных и религиозных групп, *проблема доверия общества* к институтам власти, к экономическим институтам и институтам суда и права. Как показали исследования лауреата Нобелевской премии по экономике, американского психолога Д. Канемана [2], психологические установки, прогнозы и ожидания, а также доверие населения к экономическим институтам и органам власти влияют на состояние экономики не в меньшей мере, чем ее, собственно, «объективные» детерминанты.

Политическая психология, ее предмет, задачи

Необходимость в психологическом осмыслении кардинальных изменений в обществе

Кардинальные экономические и политические изменения нашего общества и вызванная ими трансформация общественного сознания необходимо создали потребность в психологическом осмыслении и рефлексии происходящих на наших глазах глобальных социальных процессов и анализе изменений политического менталитета отдельного человека как субъекта этих процессов. Ответом на этот социальный запрос стало появление практически новой для отечественной психологической науки области политической психологии [3].

Предметом политической психологии, по мысли Е. Шестоपाल, следует считать «двухсторонний процесс влияния психологических факторов на политическое поведение и политических действий – на психологические состояния» [4]. «Политическая психология, – продолжает она, – исследует широкий круг проблем как внешней политики (психология войны и мира, терроризм, принятие политических решений, этнические и

Политика – объект политической психологии

межгосударственные конфликты, взаимное восприятие партнеров по переговорам), так и внутривнутриполитической жизни (мотивация политического участия в традиционных институтах и новых движениях, дискриминация меньшинств, психология формирования политической идентичности и т.д.)» [5].

Объект «политической психологии» – «политика» – выступает как особая деятельность людей по реализации коллективных интересов одной, сколь угодно большой группы людей (вплоть до государства или группы государств), сотрудничающих или противодействующих интересам другой социальной, этнической или профессиональной группы. Предмет науки, как мы знаем из социальной эпистемологии и науковедения, строится на базе объекта науки, в первую очередь, исходя из особенностей метода и специфики языка данной области знания.

Методы политической психологии заимствуются из сопряженных наук

Методы политической психологии заимствуются из психологии личности и теории общения, рефлексивных игр и психотерапии, из синергетики и теории катастроф, психоллингвистики и теории дискурса, этнопсихологии и кросс-культурной психологии, теории личностных конструктов и психосемантики. Общим здесь является только размытое и плохо определенное поле «политической деятельности».

В этом плане ситуация в «политической психологии» напоминает положение в советской школе в тридцатых годах прошлого века, когда практиковался так называемый комплексный подход в обучении. Комплексность заключалась в том, что на уроках давался последовательно комплекс знаний о некотором объекте. Например, изучается объект «корова». На одном уроке дети изучали, как пишется это слово, на другом – какой продукт она дает, на третьем – к какому биологическому классу она относится, и т.д. То есть организация обучения шла по «объектному», а не по дисциплинарному основанию.

Близкое положение мы наблюдаем и в объединении проблематики политической психологии. В качестве проблематики политической психологии рассматривается, например, ситуация политических переговоров и широко применяются методы дискурс- и интен-анализа. Объектом рассмотрения и применения методов контент-анализа могут быть и сами политические декларации, манифесты, тексты соглашения и т.п. Объектом анализа могут быть и сами «высокие переговоривающиеся стороны», особенности их характера, стереотипы

поведения и особенности принятия решения, и тогда могут использоваться биографический, психоаналитический методы, методы эмпатийного моделирования (вплоть до наведения гипнотической идентичности) личности другого человека, методы проективного анализа «живого» поведения или его видеозаписи. Идеи Г. Ласуэлла оказали значительное влияние на создание спецслужбами разных стран «психологических портретов» политических лидеров (от Мао Дзе-дуна и Хрущева до Киссинджера и Жириновского).

Другая область политической психологии связана с анализом политических и социальных представлений как конкретных социальных, этнических, религиозных групп населения, участников или контрагентов неких общественных процессов, так и широких масс населения, являющихся электоратом в демократических обществах. Это область изучения политического менталитета общества.

Политическое сознание вращено в другие формы сознания

Политический менталитет включает картину мира субъекта, систему ценностей, его политические установки. Провести четкую грань между политическими и иными формами сознания вряд ли представляется возможным. Как выразился применительно к своему времени немецкий канцлер О. Бисмарк, «франко-германскую войну выиграл прусский учитель», и уровень образования, когнитивная сложность населения могут выступать одним из значимых параметров политического сознания, или менталитета. Последние два термина для нас скорее синонимичны, и если в философской литературе о содержательном наполнении картины мира принято говорить в терминах сознания, то в психологии, в силу фрейдовского разведения сознательного и бессознательного, уместнее термин «менталитет», включающий как сознательные, так и бессознательные пласты картины мира, политические установки, настроения, стереотипы, имиджи и прочие, плохо рефлекслируемые компоненты политического опыта.

Психосемантический подход в политической психологии

Субъективные семантические пространства

Психосемантический подход в своей основе восходит к методу Семантического дифференциала Ч. Осгуда [6], теории личностных конструкторов Дж. Келли [7] и к методу репертуарных решёток [8].

В психосемантике операциональной моделью сознания, описывающей категориальную структуру сознания субъекта и личностные смыслы субъекта относи-

тельно некоторой содержательной области, выступают субъективные семантические пространства [9]. Субъективные семантические пространства представляют собой обобщения исходного языка описания, присущего субъекту (респонденту), где первичные дескрипторы (термин лингвистики), шкалы (в терминах Ч. Осгуда) или конструкты (в терминах Дж. Келли) группируются с помощью статистических процедур (факторного, кластерного анализа или методов структурного моделирования) в содержательно более емкие категории-факторы).

Психосемантический подход близок к проективным методам

При геометрическом представлении категории-факторы выступают осями некоторого n -мерного семантического (как правило, декартового) пространства, а личностные смыслы субъекта по поводу анализируемых объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства, создавая своеобразную «ориентировочную основу действия» (термин П.Я. Гальперина), в нашем случае эмпатического встраивания, вчувствования в сознание другого или других. В этом смысле психосемантический подход близок к проективным методам и, как и последние, чувствителен к проблемам интерпретации, но, в отличие от проективных методов, имеет дело с компактно представленными данными, включающими такие параметры, как когнитивная сложность (число независимых категорий-факторов), перцептуальная сила признака, выражаемая во вкладе фактора в общую дисперсию и отражающая субъективную, связанную с мотивационной сферой, значимость данного основания категоризации категорий-факторов (как взаимосвязь различных оснований категоризации), и т.п.

Задачи в области политической психологии

Рассмотрим ряд типовых задач в области политической психологии, реализуемых методами психосемантики.

Декларации политических партий

1. Построение семантических пространств политических партий [10]. Для решения этой задачи в качестве дескрипторов (суждений) мы используем декларации политических партий, фрагменты выступлений известных политических лидеров, выдержки из конституции, документов ООН, ЮНЕСКО и т.п. Респонденты (испытуемые), коими являются руководящий состав различных партий, выносят свое согласие или несогласие с каждым из суждений из списка, или то, насколько каждое суждение (обычно несколько сотен дескрипторов) соответствует позиции представляемой им партии.

Позиции каждой партии представляют не менее десяти респондентов из руководящего состава (как правило, несколько десятков респондентов, что зависит как от массовости партии, так и от меры открытости ее общественному мнению, прессе, социологическим исследованиям и т.п.), что позволяет оценить величину дисперсии в ответах как меру, обратную степени идеологического единства. Факторизация матрицы данных позволяет выделить будущие факторы сходства/различия политических партий, определить размерность политического пространства как показателя дифференцированности политической жизни общества и когнитивной сложности общественного сознания, а также (проинтерпретировав содержание каждого фактора) выделить ведущие линии социального напряжения. Позиции каждой партии в семантическом пространстве представлены как координатные точки внутри этого политического пространства, и можно определить (через проекцию позиции партии на оси категорий-факторов), насколько в позиции партии выражен тот или иной политический аспект, представленный содержанием фактора. Расстояния между координатами партий в семантическом пространстве обратно пропорциональны сходству их политических установок. И, используя кластер-анализ, можно построить дендограммы или кластер-структуры, отражающие группировку партий, исходя из сходства их политических установок, и предсказать, таким образом, их возможные политические альянсы.

Рефлексии
рядовых
избирателей

2. Семантическое пространство имиджей партий [11]. В отличие от предыдущей задачи, где в роли респондентов выступают сами члены (как правило, лидеры) той или иной партии, являющиеся носителями идеологии данных партий, в роли респондентов для построения имиджей политических партий выступают рядовые избиратели, наблюдающие политику партий, так сказать, с «внешних позиций». В задачу респондентов (испытуемых) входит оценка списка партий по широкому диапазону шкал-дескрипторов (например, «партия имеет широкую поддержку у населения», «партия отражает интересы мелкого и среднего бизнеса», «партия пользуется поддержкой президента», «партия – носитель левой идеологии» и т.п.). При такой процедуре оценка партий оказывается более субъективной (чем в первой задаче) и зависимой от политической пропаганды, средств массовой коммуникации, политической рекламы. В отличие от политически более однородных респондентов – членов партий.

Оценки партий населением («людьми улицы») более разнообразны, их дисперсия выше, и представляется разумным для ряда специфических задач (например, для оценки образа партий различными социальными группами) строить семантические пространства имиджей для однородного контингента респондентов.

Проекция позиций избирателей на семантическое пространство партий

3. Оценка электоральной мощности политических партий [12]. Оценка степени поддержки населением той или иной партии осуществляется нами с помощью процедуры проекции позиций избирателей на семантическое пространство партий. Каждый респондент отвечает на все пункты опросника, на которые уже отвечали представители политических партий. Проведя, таким образом, своеобразную политдиагностику, можно определить координаты политической позиции данного субъекта в пространстве политических партий. Определить, к какой партии он ближе по политическим установкам. Эта процедура, умноженная на число респондентов, дает своеобразное электоральное облако политических позиций населения, что, в свою очередь, позволяет определить, вокруг каких партий наиболее высока плотность избирателей, т.е. определить степень популярности каждой партии у населения, а используя детерминационный анализ [13], – выделять социально-демографический портрет избирателей данных партий. Как показали наши исследования [14], электоральная плотность партий, определенная методами психосемантики, высоко коррелирует с непосредственными данными парламентских выборов.

Попытка эвристического прогноза

4. Выделение типологии политического менталитета населения. Типовое построение семантического (в нашем случае политического) пространства подразумевает факторизацию (кластеризацию, применение метода многомерного шкалирования, структурного моделирования и т.п.) двухмерной матрицы данных. Полученное на основе групповых данных семантическое политическое пространство отражает позиции людей, стоящих на совершенно разных политических позициях. Построение таких общегрупповых пространств (на основе репрезентативных выборок), отражая настроения в обществе, позволяет совершать эвристичный прогноз парламентских или президентских выборов, но с методологической точки зрения, соответствует «среднегрупповой температуре по больнице».

Попытка семантического многомерного рейтинга

Этот же методологический упрек может быть отнесен и к социальной процедуре оценки рейтинга политических лидеров, учитывающей сторонников, но не учи-

тывающей позицию людей, отвергающих этих лидеров. Процедура семантического многомерного рейтинга [15] дает, на наш взгляд, более адекватную оценку рейтинга лидеров.

Для широкого круга социально-психологических и социально-политологических исследований важно изучать не усредненное мнение населения, а политические идеи (идеологемы), политические конструкты, распространенные в обществе. Ставится задача построения политической типологии населения, выделения типов политической ментальности. Для решения этой задачи мы обращаемся ко всей базе данных (а не к двумерной матрице), образованной тремя переменными:

- шкалы-дескрипторы;
- объекты анализа;
- респонденты.

Такая база данных представляет собой куб (а вернее, параллелепипед) данных, и для решения ряда задач с использованием многомерной статистики можно проводить сечение этого куба по разным основаниям: по испытуемым, по объектам, по шкалам [16]. Для решения этой же задачи построения типологии политического менталитета нами [17] разработан алгоритм, где политическая позиция респондента представлена единой атрибутивной матрицей, и последующая факторизация (по испытуемым) сходства матриц позволяет выделить группировки респондентов, имеющих сходные политические установки. Дальнейшее построение семантических пространств для политически однородных групп респондентов позволяет выделить когнитивную сложность политического сознания этих респондентов, а проведя содержательную интерпретацию факторов, описать политические идеологемы и конструкты, присущие этим людям. Использование основанного на теории множеств детерминационного анализа [18] позволяет составить социально-демографический портрет респондентов (электората) – носителей того или иного политического менталитета.

Необходимость
«модели потребного
будущего»

5. Анализ динамики политического менталитета необходим для предсказания развития политических процессов, происходящих в обществе, целенаправленного выбора «модели потребного будущего» (термин Н. Бернштейна) из сценарного веера возможного и осознанных действий по элиминации нежелательных сценариев развития. Тем не менее описание «живого движения», эволюции и развития системы – одна из наиболее сложных методологических проблем науки. Как по-

лагает А. Бергсон, научные методы анализа динамических процессов способны дать только синхронические (фотографические, в терминах А. Бергсона) срезы процесса.

Методы психосемантики позволяют получить синхронические срезы политических процессов

Для описания политической жизни общества методы психосемантики (как и любой лонгитюд в психологическом исследовании) позволяют получить серию синхронических срезов политического процесса (в нашем случае в форме семантических пространств), и встает вопрос, как от синхронических срезов перейти к описанию динамики. Проблема усложняется еще и тем, что со временем меняется не только менталитет, но и само общество. Меняется политический контекст (дискурс), на передний план выступают новые проблемы, и, строя семантические пространства, релевантные времени, исследователь использует новые дескрипторы, а подчас вводит в исследование новых политических субъектов (государства, политические партии, политические персоналии).

Задачу установления генетической взаимосвязи семантических пространств, отражающих менталитет общества в различные временные этапы, мы решаем, устанавливая коррекционно-факторные связи дескрипторов в предположении малой изменчивости идеологии партии (то есть объектов) на достаточно малом интервале времени, а затем в объединенном пространстве дескрипторов описываем динамику самих объектов анализа с помощью аппарата разностных дифференциальных уравнений. Психосемантика нелинейных динамических процессов находится еще в стадии развития, и нами делаются попытки использования аппарата синергетики и теории диссипативных структур для описания динамики менталитета общества [19].

Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность

6. Анализ геополитических представлений населения позволяет увидеть (и оценить) внешнюю политику государства глазами его граждан. Вместе с советской идеологией ушло в прошлое (но осталось у старшего поколения на уровне установок) деление стран мира на социалистические, капиталистические и развивающиеся («страны третьего мира»). Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность, свое место в содружестве государств (А.И. Солженицын). На смену идеологического родства (подпитываемого многомиллиардными невозвратными займами и поставками оружия) пришли прагматические внешнеполитические отношения, согласно известному принципу У. Черчилля – «в политике нет

постоянных друзей, а есть постоянные интересы». В этом контексте представляется интересным, а для поддержки внешнеполитического курса важным, анализ представлений населения о геополитической карте мира; анализ образов (имиджей) различных стран; оценка степени дружественности по отношению к России и ее гражданам со стороны правительств и граждан этих стран и, наконец, анализ автостереотипов, то есть анализ образов России и ее населения в восприятии (глазами) самих российских граждан.

Психосемантические карты геополитического пространства выявляют визуальные геополитические пространства

В психологической науке проблеме этнических ауто- и гетеростереотипов посвящено огромное количество исследований фаворитизма и этноцентризма [20]. Значительно менее представлены (по крайней мере, на материале российского менталитета) исследования стереотипов восприятия стран – субъектов международной политики, так же как и исследования той системы категорий, через призму которой осуществляется восприятие и оценка этих стран. Эта задача решается путем построения семантических пространств [21], где объектами оценок по множеству дескрипторов (характеризующих уровень развития экономики, культуры, политических свобод и демократических принципов, состояние вооруженных сил, религиозность общества и т.п.) выступают имиджи стран (их ауто- и гетеростереотипы). Специфика психосемантической картографии геополитического пространства (мира, Европы, СНГ и т.п.) заключается в том, что путем наложения субъективных семантических пространств на географические карты мы получаем визуальные геополитические пространства, где, раскрашивая эти карты по степени выраженности того или иного фактора, мы получаем визуально читаемый, целостный образ России в содружестве стран (по тем или иным экономическим и политическим аспектам), в частности, и например, карты толерантности, дружественности по отношению к России окружающих ее государств.

---

1. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 31–61.

2. *Канеман Д.* Внимание и усилие. М., 2006.

3. *Шестопал Е.Б.* Психология политики. М., 1989;
Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический жур-

нал. 1991. № 6. С. 55–77; *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992; *Дубов И.Г., Пантеев С.Р.* Восприятие личности политического деятеля // Психологический журнал. 1992. № 6. С. 25–33; *Шмелев А.Г.* Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения // Психологический журнал. 1992. № 5. С. 26–36; *Лебедева М.М.* Вам предстоит переговоры. М., 1993; *Егорова Е.В.* и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. М., 1993; *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М., 1994; *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов н/Д, 1996; *Назаретян А.П.* Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 154–162; *Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. М., 2001.

4. *Шестопал Е.Б., Дилигенский Г.Г.* Политическая психология // Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. М., 2003. С. 392–393.

5. Там же. С.392.

6. *Osgood Ch., Susi C., Tannenbaum P.* The measurement of Meaning. Urbana, 1957.

7. *Kelly G. A.* The psychology of personal constructs. N.Y., 1955.

8. *Келли Дж.* Теория личности. СПб., 2000; *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам. М., 1987.

9. *Петренко В. Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 1997; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005.

10. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 55–77; *Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В.* Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 53–88; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 31–61; *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Специфика психосемантического анализа изменений в психологических исследо-

ваниях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Вып. 3 / Ред. Т.Н. Савченко, Г.М. Головина. М., 2005. С. 38–57; *Petrenko V., Mitina O.* The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on Contemporary Issues in Psychology / Ed. D.Halpern & A.Voicounsky. N.-Y., 1997. P. 19–48; *Petrenko V., Mitina O.* Attitudes toward political parties // The Russian Transformation / Eds. B. Glad & E. Shiraev. N.-Y., 1999. P. 179–198.

11. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.; СПб., 2005.

12. *Петренко В.Ф., Митина О.В., Шевчук И.В.* Социально-политологическое исследование общественного сознания жителей Казахстана // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 53–88; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.

13. *Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982.

14. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантическое исследование политического менталитета (Россия 1991–1993) // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 42–54; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.

15. *Петренко В.Ф.* Язык метафоры в рейтинге политических лидеров // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 41–47; *Петренко В.Ф.* Метафора в многомерном рейтинге лидеров // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 1. С. 98–107; *Петренко В.Ф.* Психология и политика: конструктивистская парадигма // Психология и современные направления в междисциплинарных исследованиях. М., 2003. С. 378–390; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М.; СПб., 2005; *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Построение многомерного рейтинга политических лидеров // Моделирование в социально-политической сфере. М., 2004. С. 85–94.

16. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997; *Митина О.В., Петренко В.Ф.* Специфика психосемантического

го анализа изменений в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Вып. 3 / Ред. Т.Н. Савченко, Г.М. Головина. М., 2005. С. 38–57.

17. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.

18. *Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М., 1982; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997; *Петренко В.Ф.* Язык метафоры в рейтинге политических лидеров // Социологический журнал. 2002. № 1. С. 41–47.

19. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян // Психологический журнал. 1995. № 6. С. 17–31; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Нелинейная модель в исследовании психосемантики мотивации: синергетическая парадигма. // Синергетические исследования в области гуманитарных и естественных наук. Белгород, 2003. С. 291–314; *Abraham E.D., Mitina O., Petrenko V.* Construction of System Dynamics from Multivariate Data // Nonlinear Dynamics in the Life and Social Sciences / Eds. W. Sulis & I. Trofimova. NATO Science Series. Series A: Life Sciences. Vol. 320. IOS Press. 2000. P. 325–332; *Petrenko V., Mitina O.* Attitudes toward political parties // The Russian Transformation / Eds. B. Glad & E. Shiraev. N.-Y., 1999. P. 179–198; *Petrenko V., Mitina O.* Russian's Representations of Geopolitical Space // European Psychologist. 2003. Vol. 8. № 4.

20. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. М., 1996; *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М., 1997; *Лебедева Н.М. (ред.)* Этническая психология и общество. М., 1997; *Segall M.N., Dasen P.R., Berry J.W., Poortinga Y.H.* Human Behavior in Global Perspective. An introduction to Cross-cultural psychology. N.Y., 1990; *Taifel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Worchel S., Austin W.G. (eds.)*. Psychology of Intergroup Relations.

Chicagol, 1986, P. 7–24; *Triandis H. C.* Culture and social behaviour. N. Y., 1994.

21. *Петренко В.Ф., Митина О.В., Бердников К.В., Кравцова А.Р., Осипова В.С.* Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М., 2000; *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Второе, дополненное издание. М.; СПб., 2005; *Petrenko V., Mitina O.* Russian's Representations of Geopolitical Space // *European Psychologist*. 2003. Vol. 8. № 4.